

Век, Москва, — 1999. — 26 июля. — с. 6

Искусственное образование

Эдуард ГОРОХОВСКИЙ: «Я никогда не падал от березок...»

Дарья АКИМОВА

«Моделирование новых структурных соотношений компиляцией фотографии и живописи...», «Возвращение картине плоскости...», «Соц-арт как школа методологии...». Ужас.

Давайте лучше так: Эдуард Семенович Гороховский. Абсолютно современный художник. Пятьдесят лет в искусстве (только что ему исполнилось семьдесят). Партийная принадлежность — кружок авангардиста Марка Кабакова. Долго жил и работал в Германии, выставлялся в европейских музеях, в том числе в Вене. Одним из первых совместил фотографию и живопись. Обольстителен. На женщин смотрит взглядом профессионала-художника — проверять на себе магнетизм его синих глаз не рекомендуется. Женат, сыну уже сорок пять. Говорить с ним можно до бесконечности о чем угодно, а спорить стоит ради чистого удовольствия. Востребован, хотя на части его не рвут. Потому как самостоятелен и в тусовках не участвует. Современных галерейщиков считает диктаторами. Принципиально НЕ учитель и НЕ ментор. У которого тем не менее масса подражателей. Иногда даже невольных — просто получается у них так, «по Гороховскому».

— Эдуард Семенович, вы...

— Нет, лучше просто — Эдуард.

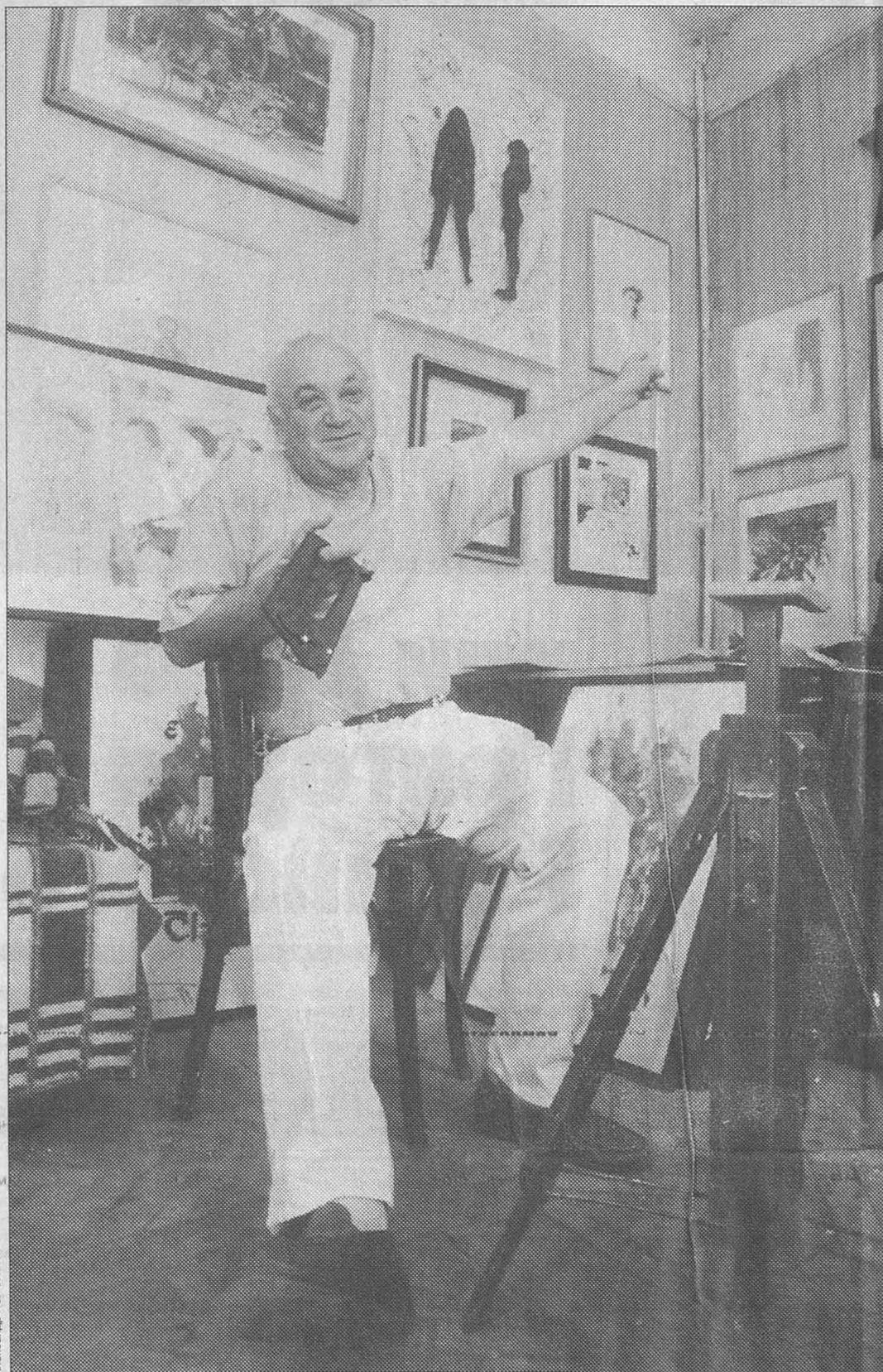
— Эдуард, на сколько лет вы себя ощущаете?

— Не знаю... Нет, я не кокетничаю, действительно не знаю. Просто как-то не задумывался об этом — живу себе и живу. И работалось мне всегда тоже очень легко. Свободно. Правда, вот теперь, после того, как собран материал для двух больших выставочных проектов (один — в Третьяковке, второй — в Музее личных коллекций), меня совершенно перестало тянуть к работе.

Совершенно. Но меня это почему-то не волнует. Ну нет — так нет. А потом, знаете ли, все-таки возраст. Конечно же, желание работать вернется.

Видите ли, в молодости ты открыт «всем ветрам», тебе все интересно, тебе всего мало, тебе все надо! А потом... Потом приходит некоторая самодостаточность. Общение начинает труднее даваться. Друзей как таковых у меня почти не осталось. Просто распался круг: кто-то переехал на край Москвы, кого-то уже нет в живых. Одиночество в семьдесят лет — довольно естественная штука. Близкие? Ну жена, сын — он уже сам настолько взрослый человек... Знаете, корни, наследственность — это еще не все, если нужен духовный контакт.

Природа? Я никогда не падал от «березок». В природе нет ничего от искусства. Там все, что мы называем естественным, а искусство — это результат человеческой деятельности. Если бы человек был частью природы, он не уничтожал бы ее с таким остервенени-

— Вот та моя акварель мне ужасно нравится...

Эдуард Гороховский. «Тройка». 1994 г.

ем. Я вообще ощущаю себя достаточно искусственным образованием.

— Чисто городской продукт?

— Абсолютно.

— Ну а ностальгия? Если не по «старым добрым временам», то хоть по России — когда вы живете в Германии. Это все-таки большая часть вашей жизни...

— Большая — по времени. Но не по ощущениям. Там невозможно стать ИХ художником. Более того, там очень трудно остаться русским художником. Но ностальгия — нет. Я никогда над ретрофотографиями умиленно не плакал.

— С чего начались ваши странствия?

— Ну все очень просто — с профессии. Меня направили после архитектурного института по распределению в Новосибирск, там-то и случилась моя первая выставка. Вообще город тогда был почти богемным, продвинутым. Потом я целину поднимал...

— И что, никакой романтики?

— Ха! Вы о чем? Какая романтика? Столько дряни на эту целину со всей страны слетелось... Урки, допустим.

А потом: мы жили в палатках. Посреди степи. Зимой. Сплошной триллер. Начать с того, как нас «десантировали» с вездехода — без обмундирования, без связи с внешним миром. Пообещали: ждите, через три дня будем с едой. Сухари на три дня у нас были. Короче говоря, в положенный срок они не приехали. Мы приехали и через четыре дня. Еще два дня мы стояли посреди поля и «смотрели в метель».

— Случаи канибализма имели место?

— Нет, как ни странно, хотя до этого было недалеко. На восьмой день вездеход наконец прибыл. Оказалось, не было бензина, а так о нас помнили. Что, романтика?

— Еще какая. И как все это совмещалось с живописью?

— Великолепно. Я ведь все время писал — долгое время с природы...

— Вы? С природы?

— Бросил ее только тогда, когда вернулся в Москву из провинции... Мне страшно захотелось «порвать с прошлым». Я взял все свои акварельные работы и выкинул в мусорный бак. Слава богу, увидела жена. «Ты что!» — закричала она и их оттуда достала. Спасибо ей огромное за это. Теперь вот одна акварель висит у меня на стене... Знаете, мне самому она ужасно нравится. Что-то в ней есть такое...

— Наше, родное?

— Поймите меня правильно, я ни в коем случае не хочу опять начинать все эти разговоры о «zagadachna russian dusha». Помилуйте, какая еще загадка? В чем она? В том, что мы можем выхлестать ведро водки, а потом с дубиной пойти на танки? Это еще не загадка.

Мы просто-напросто еще очень молодая нация. У нас еще ничего не сложилось, не устоялось. Посмотрите, все восточные народы или европейские (взять англичан или тех

же немцев) — они ведь действуют все как один. А мы... вот, допустим, одним из первых знаков инфляции было повышение цены на такси. Неделю никто не ездил. Я уж было обрадовался: вот наконец-то мы хоть что-то сделали сообща. Но нет — через несколько дней мы сели в дорогие такси и поехали.

— Немцы бы не поехали?

— Не поехали бы, наверное. Они все действительно держатся друг за друга. В Германии, например, есть такой термин — «ауслендер», то есть «человек чуждой низшей культуры». И заметьте: они не называют своих ближайших соседей (тех, которые западнее Германии) ауслендерами. Они скажут об англичанине — «англичанин», о испанце — «испанец». Но вот о поляке, русском, чехе — непременно «ауслендер».

— И все-таки наша живопись до сих пор остается на Западе вполне престижной. Вот Михаил Ромдин свою картину ООН подарил. Они очень радовались...

— Я ни в коем случае не хочу казаться официозом — боже упаси.

Всю жизнь официозов мирно соседствовал с нормальной живописью и ничего. Конечно, есть персональные галереи живых художников — что тут поделаешь? Это уже вопрос вкуса и порядочности. А мне просто жалко тех людей, которые часами стояли в очереди, чтобы попасть в Манеж на Глазунова.

Что ж, если кому-то для ощущения собственной значимости как художника нужны толпы неграмотных тетенок, которые будут плакать от восторга над твоей картиной, то — ради бога.

— То есть вам публика не нужна?

— Нужна. Пять-шесть человек. Люди, чье мнение я уважаю. Если мне со всех сторон начнут бубнить: вот это ты плохо сделал, отвратительно... — никакого влияния на меня это не окажет. Но если кто-то из действительных профессионалов скажет: знаешь, вот в этом ты ошибся — я буду знать: да, ты наверняка не прав...

— Такая позиция ведет к некоторой элитной замкнутости...

— А искусство вообще элитная вещь! Хотя... Вот, допустим, моя «обнаженка» — совсем новые работы — галереям особенно нравятся. Народ сразу валит. Проект успешен.

А я когда работаю — мне, в общем-то, не до «внехудожественной истины», не до каких-то там глубинных смыслов произведения, не до обнаженных женщин, наконец. И как высшую ценность обычную фотографию не рассматриваю. Просто смотрю, как ложится цвет, как сочетаются линии... Одна и та же базовая фотография девушки (современной или персонажа из прошлого) — и сотни вариаций.

А вообще каждая женщина, каждая модель — это особый случай. Это всегда интересно. Новый образ, новые впечатления... Кстати, а вы не хотите мне позировать обнаженной? Интересно, почему это вы отказываетесь?